

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК. 316.74:001
ББК. 60.561.8

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Николенко Наталия Александровна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Волгоградский государственный университет
nikolenko-kus@mail.ru, socpol@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ научных работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных изучению проблем социальной мобильности. Продемонстрированы различные аспекты данного социального феномена, выделяемые учеными в качестве объектов изучения начиная с конца XIX века. Обращено внимание на особенности трех периодов в исследовании процессов социальных перемещений. Сделан акцент на исследовании профессиональной мобильности. Обобщены результаты научных исследований, позволяющие представить социальную и профессиональную мобильность в виде сложных социальных процессов. Обращено внимание на уточнение содержания научных дефиниций, используемых для описания социальных перемещений индивидов; акцентировано внимание на детерминантах, оказывающих влияние на социальное движение индивидов в профессиональной сфере. Среди каналов социальной мобильности образование выделено в качестве одного из наиболее значимых.

Ключевые слова: социальная мобильность, профессиональная мобильность, вертикальная мобильность, горизонтальная мобильность, внутр поколенная мобильность, межпоколенная мобильность, институционализированные каналы социальной мобильности, неинституционализированные каналы социальной мобильности.

© Николенко Н.А., 2014

Профессиональное становление высококвалифицированного специалиста неразрывно связано с определенным образовательным уровнем индивида. И в этой связи вуз, представляющий возможность получения высшего образования, является важным социальным институтом, благодаря которому у индивида

появляется возможность осуществить имеющиеся намерения в плане выстраивания профессиональной карьеры. Однако, учитывая то обстоятельство, что профессиональная мобильность может и должна рассматриваться в общей канве социальной мобильности индивида считаем целесообразным остановиться

на анализе содержания означенных в названии статьи дефиниций, опираясь на научные разработки отечественных и зарубежных авторов, занимающихся данной проблемой.

Социальные структуры большинства современных обществ характеризуются высокой степенью динамичности. При этом процессы социального перемещения индивидов в социальной структуре и их последствия как в нашей стране, так и за рубежом вызывают определенный интерес у представителей общественности и ученых. Разделяя точку зрения М.А. Булановой, исследования представителей западной социологической школы в данной области условно можно разделить на три этапа, отличающиеся друг от друга методами сбора данных, процедурами измерения и выделением для анализа в качестве основополагающих компонентов определенных аспектов в процессах социальной мобильности. На первом этапе исследования носили «историко-социологический характер с использованием относительно простых статистических методов»; на втором этапе в качестве основных критериев стали выделять образование и профессию; на третьем этапе «для исследования социальной мобильности» стали использовать «построение логлинейной модели профессионального продвижения» [2, с. 137]. При этом необходимо отметить, что на всех этапах одним из самых актуальных направлений в изучении социальной мобильности были исследования, посвященные измерению экономического и профессионального статуса индивидов, межпоколенной и внутривозрастной мобильности. В ряду ученых первого этапа исследований социальных перемещений М.А. Буланова выделяет Р. Бендикса, Г. Зеттерберга, С.М. Липсета, Д.В. Гласса, которые занимались изучением процессов социальной мобильности в условиях индустриализации общества. Исследования этого периода отличались осуществлением попыток обосновать социальную мобильность путем анализа эмпирических данных и выработать показатели измерения социальной мобильности. Так, Д. Гласс, интересующийся величиной и направленностью процессов социальной мобильности в Великобритании конца XIX в., провел исследование среди мужчин, проживающих в Англии,

Уэльсе и Шотландии, разделив их на несколько поколенческих групп. Результаты данного исследования показали наличие связи между статусами отцов и сыновей. Оказалось, что «она наиболее заметна, когда отцы принадлежат к категории квалифицированных работников физического труда или к категории высшего административного или профессионального персонала. Д. Гласс эмпирически показал, что социальный статус в Великобритании имел тенденции передаваться «по так называемому замкнутому кругу», причем, при рекрутировании в позиции находящиеся ближе к вершине стратификационной пирамиды отвергала идеал равенства возможностей» [2, с. 138].

Второй период в исследовании процесса социальных перемещений, обозначенный М.А. Булановой, связан с возросшей ролью статистических методов в анализе данного явления. К этому периоду можно отнести имена таких ученых, как П.И. Блау, И. Блумен, Л. Гудман, О.Д. Дункан, Д. Трейман. Причем, П. Блау и О. Дункан весьма активно занимались исследованием социальной мобильности членов американского общества в профессиональной сфере. Их исследования позволили выявить, что наиболее мобильной социальной группой в США являются мужчины. А дистанция между профессиональными слоями, среди которых чаще всего осуществляется перемещение, минимальна; либо такие перемещения в большей степени тяготеют к горизонтальной мобильности. На основании полученных П. Блау и О. Дунканом результатов были выявлены:

1) относительно высокий уровень профессиональной мобильности в США. При этом на профессиональный карьерный рост индивида оказывают влияние социально-экономические позиции семьи и статус отца (последний «оказывает влияние на статус сына, в основном через образование»);

2) «городские мигранты имеют больше возможностей добиться желаемого профессионального статуса (по сравнению с «оседлыми» гражданами). Фактически и у мигрантов, и у «оседлых» выявляется прямая связь между масштабностью местности, в которой они выросли, и их профессиональными успехами;

3) на деловые возможности влияет число членов родительской семьи» [2, с. 138, 139].

Таким образом, вторая волна исследований социальной мобильности была ориентирована на анализ и выявление факторов, влияющих на процесс профессиональной мобильности.

Третий этап исследований связан с фамилиями таких ученых, как Дж. Голдторп, Л. Джонсон, Д.Л. Физерман, Р.М. Хаузер, Р. Эриксон, разработки которых в значительной степени помогли расширить и углубить статистические модели анализа социальной мобильности. В частности, работы Л. Джонсона, Д.Л. Физермана и Р.М. Хаузера позволили установить влияние изменений в демографической ситуации в обществе на межпоколенную мобильность в профессиональной сфере. Кроме того, была предпринята попытка распределить представителей изучаемых профессиональных групп по стратам, выделив: 1. «Высший слой работников неручного труда» (управленцев и торговых работников (вне розничной торговли); специалистов (наемных и самозанятых); 2. «Низший слой неручного труда» (собственников, клерков, торговых работников (розничной торговли); 3. «Высший слой физического труда» (квалифицированных рабочих промышленности, строительства); 4. «Низший слой физического труда» (станочников, работников обслуживания, неквалифицированных работников); 5. «Фермеров и сельскохозяйственных работников» [2, с. 139]. В свою очередь, Дж. Голдторпом при анализе процессов, связанных с интенсивностью и характером мобильности, было установлено, что структура социальных классов Европы второй половины XX в. являлась довольно динамичной вне зависимости от положения класса в обществе. Сопоставляя результаты его обследований экономически активного населения Британии, Дж. Голдторп приходит к выводу о том, что соотношение восходящей и нисходящей мобильности среди мужчин весьма неблагоприятно. Однако, при сравнении масштабов социальной мобильности между мужчинами и женщинами, этот уровень примерно одинаков и не проявляет четкой тенденции к росту или снижению [5, с. 181–200].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. в отечественной социологии актуализируется

интерес к изучению проблем труда и всем сопутствующим ему аспектам, в том числе и социальной мобильности. Основное внимание начального периода отечественных исследований социальной мобильности было уделено изучению перемещений населения из одних классов в другие, воспроизводству классовой структуры, а также процессам перемещения людей из села в город и обратно. В частности, Ю.В. Арутюнян акцентировал свое внимание на исследовании проблем села (составлении социального портрета жителей, изучении структуры дореволюционного, послереволюционного и послевоенного села и тех динамических изменений, которые происходили в этой среде, в том числе и факторов, повлиявших на изменение структуры села, среди которых выделял коллективизацию, обобществление собственности, производственно-технический уровень развития колхозов и др). Анализируя характер социальной мобильности в СССР, Ю.В. Арутюнян приходит к следующим выводам: 1) сущность социальной мобильности заключается в воспроизводстве отношений без частной собственности; 2) основными требованиями к продвижению индивида становятся его политические и профессиональные качества; 3) при отсутствии частной собственности и капитала, основополагающую роль в социальных перемещениях имеет образование; 4) мобильность направляется и управляется, в большей мере, благодаря партийному аппарату [1].

Т.И. Заславская, уделяя внимание проблемам мобильности труда, связывала ее причины и цели с удовлетворением общественного спроса на те или иные профессии и квалификации. Исследуя трансформации в сфере трудовых отношений, Т.И. Заславская выявляет влияние институциональных изменений на процессы социального перемещения индивидов: глубокие преобразования на постсоветском пространстве в базовых социальных институтах (таких, как право, экономика и политика), «интенсивный распад старых и формирование новых общественных институтов вызывает значительное усиление как трудовой, так и социальной мобильности. В связи с этим повышается роль таких индивидуальных характеристик людей, как качество базового образования, способность к овладению новы-

ми знаниями, уровень квалификации, широта кругозора, богатство профессионального опыта и прочее» [7, с. 147]. Определенный вклад в изучение внутрипоколенной и межпоколенной социальной мобильности внесли также М.Х. Титм и В.Н. Шубкин. Исследования В.Н. Шубкина показали наличие неравных шансов молодежи в процессе достижения своего профессионального статуса, что детерминировано наличием существующих противоречий между системой подготовки студентов и спросом работодателей на рынке труда [21]. В свою очередь М.Ф. Черныш, рассматривая российское общество периода реформ (1985–1993 гг.), приходит к выводу, что социальные позиции большей части населения остались в стабильном состоянии, в то время как социальная мобильность была присуща лишь некоторым слоям общества. В рамках своего исследования М.Ф. Черныш проанализировал трансформацию мировоззренческих установок у групп людей, осуществляющих восходящую и нисходящую мобильность. Он пришел к выводу, что «особенностью восходящей группы является активный поиск идентичности в рамках «средних социальных групп» – поколения, профессиональной группы и т. д. Жизненный неуспех толкает человека на приватизацию частной жизни, уединение в кругу близких и родственников, а также, отчасти, в кругу коллег» [20, с. 137]. Социальная мобильность, по мнению ученого, оказывает существенное влияние на мировоззренческие установки людей, а также на их социальное поведение, что актуализирует необходимость дальнейших исследований на данную тему.

М.Н. Реутова, проводя исследования по изучению и измерению показателей межпоколенной мобильности российской молодежи, также приходит к заключению, что базовыми каналами межпоколенной мобильности являются образование и профессия. Межпоколенная мобильность, по мнению М.Н. Реутовой, является одним из важных показателей социальных изменений в обществе, так как по своей сути является отражением социальной активности населения [15]. Таким образом, российское общество, периодически подвергающееся трансформациям и изменениям, стимулировало и продолжает стимулировать интерес отечественных ученых к изучению проблем социальной мобильности.

Что же следует понимать под социальной мобильностью индивида и социальных групп? Классическая интерпретация понятия «социальная мобильность» означает перемещение человека в социальном пространстве. А, следовательно, в качестве социальной мобильности следует рассматривать «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [17, с. 373]. И такой переход, в первую очередь, сопровождается изменениями в социальном статусе индивида. Следовательно, осуществляя процесс социального перемещения, индивид может изменить уже существующий статус или получить дополнительный в новых для него социальных условиях. Автор данной трактовки социальной мобильности, русско-американский социолог П.А. Сорокин, в свою очередь, подразделил ее на два основных типа: вертикальную и горизонтальную. Горизонтальная мобильность осуществляется индивидом в рамках тех социальных страт или позиций, которые располагаются на одном уровне (примером горизонтальной социальной мобильности можно привести перевод служащего из одного отдела в другой в прежнем статусе, переход человека из одного спортивного клуба в другой и т. д.). Другими словами, изменения, если они напрямую не влекут за собой повышение или снижение социального статуса человека, по мнению П.А. Сорокина, следует рассматривать в рамках горизонтальной мобильности. Однако существует и другая точка зрения на определение данного типа мобильности. Так, английский социолог Э. Гидденс пишет: «В современных обществах распространена также горизонтальная мобильность, которая означает географические перемещения между селами, городами или регионами» [4, с. 112]. На наш взгляд, все же следует придерживаться точки зрения ученых, которые применяют термин «географическая мобильность» там, где данная категория становится близкой по значению к понятию «миграция». Определенные виды миграционного движения действительно можно отнести к географической мобильности. К ним относятся все перемещения индивида не связанные с координальными переменными в его статусе (главным об-

разом, это эпизодическая и маятниковая миграция). Основное отличие между горизонтальной, географической мобильностью и миграцией заключается в наличии разных аспектов научного интереса. Если в первом случае исследователя интересует изменение положения индивида в социальном пространстве, то в случае с географической мобильностью интерес направлен на перемещение в физическом пространстве. Изучение миграции может соединять в себе два этих аспекта, если имеется в виду миграционное перемещение, результатом которого является смена не только географического положения, но и социального статуса человека. Но в этом случае совокупность этих перемещений выходит за рамки «географической мобильности». Если говорить о социальных изменениях в определенной стратификационной структуре, то следует отметить, что наибольшее внимание ученых (и в большей степени социологов) привлекает процесс вертикальной социальной мобильности, который вызывает более масштабные и значимые для индивида последствия. Сущность вертикальной мобильности характеризуется перемещением человека в различных слоях социального пространства, одни из которых располагаются выше или ниже других. Сам П.А. Сорокин формулировал это следующим образом: «под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой» [17, с. 374]. Соответственно оно может осуществляться в восходящем и нисходящем направлении. Такая перемена индивидом своей социальной позиции осуществляется во всех сферах социального пространства: экономической, политической, социальной, профессиональной и т. д. Социальное восхождение и спуск индивида или группы в различных общественных сферах влечет за собой не только изменения в социальной структуре, но и трансформацию взглядов, установок, ориентаций людей. Американский социолог С. Липсет отмечает: «...восходящая мобильность самым непосредственным образом влияет на устойчивость определенной системы ценностей, ставящей во главу угла индивидуальность, динамизм и развитие. Согласно концепции С. Липсета, восходящая мобильность, открывая перед людьми

дорогу к верхам общества, способствует десоциализации социальных групп, превращает классовую борьбу в индивидуальное соперничество» [20, с. 135].

В качестве имманентной характеристики социальной мобильности иногда называют процесс маргинализации личности. В действительности, индивид, осуществляющий один из типов социального перемещения, может оказаться в условиях некоторой неопределенности, поскольку изменяя положение в социальной структуре, он становится на границу социальных групп, страт или слоев. Представитель Чикагской социологической школы Р. Парк первым из социологов ввел в теорию понятие маргинального человека, которого он определил как человека, живущего в разных общностях или группах, и ни к одной из которых он полностью не может себя отнести [11]. Анализируя данную идею Р. Парка, В.Г. Николаев подчеркивает, что чаще всего маргинальность рассматривается в контексте миграционных движений: «В этой связи часто отмечается, что образцом маргинального человека служит мигрант, и выводятся из поля зрения другие виды социальных перемещений, не подпадающие под миграцию, но производящие тот же пограничный тип человека: перемещения из одного социального слоя в другой, переход границ между гендерными категориями, «миграции» из одной профессии в другую и т. п. Мобильность должна учитываться как один из существенных контекстов маргинальности» [9, с. 360]. С данной точкой зрения, на наш взгляд, нельзя не согласиться, так как и процесс восхождения по социальной лестнице, и процесс снижения позиции индивида в социальном пространстве может повлечь за собой не только позитивные, но и негативные последствия. И риск возможности появления неблагоприятных последствий весьма велик. Так, значительное снижение социального статуса индивида может негативно сказаться на его положении и самоопределении в обществе, а снижение социального статуса группы, к которой принадлежит индивид, может привести к ее разрушению или к остановке развития группы. П.А. Сорокин проводит следующую аналогию такой ситуации: «в первом случае «падение» напоминает нам человека, упавшего с

корабля, во втором – погружение в воду самого судна со всеми пассажирами на борту или крушение корабля» [17, с. 304]. В то же время, по уровню социальной мобильности принято судить о степени открытости того или иного общества. По мнению австрийско-британского философа и социолога К. Поппера (развивавшего идеи А. Бергсона об открытом и закрытом типах обществ), «магическое, племенное или коллективистское общество» следует «именовать закрытым обществом, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, – открытым обществом» [12, с. 217]. Племенные общества существуют в рамках действующих табу, жесткого соблюдения обычаев и традиций. По мнению К. Поппера, такие общества можно сравнить с биологическим организмом, где каждый связан с другим членом общества не столько социальными, сколько биологическими отношениями. Взаимодействия людей в открытом обществе имеют большую социальную обусловленность. Именно в таком типе общества начинает активно проявляться пространственная и социальная мобильность. В закрытых обществах, как правило, порог проходимости индивидов в более высокие слои общества ограничен, что связано с жесткой системой ограничений и «фильтров», которые могут быть закреплены институционально, либо действовать в виде неформальных общественных соглашений. «В закрытом обществе мобильность вверх ограничена не только количественно, но и качественно, поэтому индивиды, достигшие верхов, но не получающие той доли социальных благ, на которую они рассчитывали, начинают рассматривать существующий порядок как помеху к достижению своих законных целей и стремятся к радикальным изменениям» [16]. Открытые общества с либеральной, демократической структурой характеризуются довольно высоким уровнем социальных перемещений, так как базируются на принципах свободы и конкуренции. В свою очередь, американский социолог Р. Мертон писал об ограничениях социальной мобильности в обществе, о неприятии или недоступности каналов мобильности для большинства индивидов, как об одной из причин антисоциального поведения людей. Разработанная им классификация альтернатив

поведения индивидов (основанная на зависимости их отношения к значимым и престижным общественным ценностям и способам достижения последних) нацелена на подтверждение выдвинутой автором идеи. Поведенческие стратегии («инновация», «ретризм» и «мятеж»), по мнению Р. Мертона, отражают недовольство и недоверие индивидов по отношению к каналам социальной мобильности, отказ от старых и поиск новых каналов восхождения, либо фрустрацию [8].

В зависимости от численного состава индивидов, осуществляющих процесс социального перемещения, следует говорить об индивидуальной, групповой или даже поколенческой мобильности. Поколенческая мобильность может разделяться на своеобразные подвиды: внутр поколенная (или внутривыпускная) и межпоколенная (или межвыпускная). Изучение межвыпускной мобильности характеризуется, прежде всего, тем, что в процессе анализа изменения социального статуса индивида основное внимание уделяется социальному статусу его родителей. Анализ процессов межвыпускной мобильности, взятой за определенный промежуток времени и в конкретном обществе, может служить основой для определения в нем степени и вида социального неравенства. Излишняя преемственность социальных слоев в принятии статусов, характерных для предшествующих поколений, может характеризовать общество как традиционное или в определенной степени закрытое. Такая ситуация, в свою очередь, свидетельствует о том, что положение индивида в социальном пространстве будет определяться его происхождением, а не способностями и усилиями самого индивида. Выпускная мобильность означает переход индивида из одного социального статуса в другой на протяжении своей жизни, осуществляемый в рамках одного поколения. Такой процесс часто называют социальной карьерой, которая складывается из всех социальных позиций, занимаемых человеком на протяжении жизни. По тому, насколько социальная карьера индивида успешна, можно судить о возможностях и характере его социальных перемещений.

Помимо разнообразия видов социальной мобильности в обществе существуют

соответствующие средства и способы по отбору индивидов для тех или иных социальных позиций и осуществлению перемещений в социальном пространстве. Такие средства и способы П.А. Сорокин называл «механизмами социального тестирования», которые, в свою очередь, выступают и в качестве «каналов социальной циркуляции». В качестве основных каналов социальной мобильности он рассматривал армию, церковь, школу, семью, политические и профессиональные организации [17]. Основываясь на идеях П.А. Сорокина, выделявшего в качестве первостепенных каналов социального восхождения и спуска социальные институты и организации, С.А. Просольченко также отмечает, что понятия «канал социальной мобильности» и «социальный институт» тесно связаны друг с другом. Социальные институты являются теми социальными образованиями, которые призваны упорядочивать и поддерживать общественное равновесие и развитие. Социальные институты возникают в процессе закрепления устойчивых форм отношений и взаимодействий, норм и правил поведения, а также образования комплекса устоявшихся социальных практик. Социальная мобильность невозможна вне социальной организации или института, она осуществляется в них и с их участием. «Таким образом, каналы социальной мобильности проходят через социальные практики и социальные институты, представляя собой некие более общие варианты возможностей перемещения, которые могут быть реализованы только как конкретные траектории перемещения» [14, с. 245]. Если существуют институционализированные и неинституционализированные системы практик, значит, помимо организации как канала социальной циркуляции, следует говорить еще и об институционализированных и неинституционализированных каналах социальной мобильности. К первым необходимо отнести привычные и распространенные во многих обществах социальные институты, а ко вторым, те практики, которые не являются общественно одобряемыми, до конца не интегрированы в систему какого-либо института, но представляемые как более эффективные, чем институциональные или

практики, недостаточно освоенные индивидами. Избрав для примера профессиональную сферу, отметим, что «профессиональная мобильность – это перемещение индивидов или профессиональной группы в социально-профессиональной структуре общества с изменением или без изменения социального статуса» [8, с. 298]. То есть профессиональная мобильность является разновидностью социальной мобильности, которая осуществляется в определенной сфере социального пространства. В свою очередь, О.Ю. Посухова выделяет несколько неинституционализированных каналов социальной мобильности в профессиональной сфере. И связывает их возникновение с рядом причин социально-политического, социально-экономического, социокультурного и социально-психологического характера. Указанные причины могут провоцировать возникновение факторов, влияющих на социальную мобильность: дискриминации различного рода, конкуренция, безработица, неуверенность в собственных силах, недоверие к официальным государственным органам и т. д. [13]. Примерами неинституционализированных каналов социальной мобильности в профессиональной сфере могут служить протекционизм, коррупция, вхождение в преступные структуры и др. Классификация общественно значимых каналов социальной мобильности представлена в работах многих ученых. Причем значимость каналов мобильности пересматривается с учетом изменяющихся в обществе условий. Так, например, С.А. Просольченко, оставаясь в целом солидарен с классификацией каналов мобильности П.А. Сорокина, исключает из нее лишь институт религии и добавляет несколько других институциональных образований. В итоге его классификация выглядит следующим образом: «1) семья; 2) система формального образования и воспитания; 3) вооруженные силы; 4) политические партии; 5) собственность; 6) разделение труда, профессионально-квалификационная структура; 7) система тотальных организаций (связанная с принудительными практиками социальной мобильности); 8) средства массовой информации» [14, с. 249]. Следует также подчеркнуть, что в процессе раз-

вития общества меняется и значимость каналов мобильности. Так, институт семьи рассматривается П.А. Сорокиным в контексте заключения выгодного брачного союза с представителем другого социального статуса. Брачные союзы подобного типа приводили и приводят либо к повышению социального статуса одного из супругов до статуса другого, либо к его снижению. В обществе демократическом, отмечает П.А. Сорокин, имеет место «...взаимное «притяжение» богатых невест и бедных, хотя и титулованных, женихов. Оба партнера достигают тем самым: получения финансовой поддержки своему титулованному положению для сохранения его на необходимом уровне – одному, другой же продвигается по социальной лестнице благодаря богатству» [17, с. 403]. Следует подчеркнуть, что институт семьи играет важную роль при осуществлении социальной мобильности в обществах закрытого или традиционного типа, где социальный статус человека в большей степени зависит от его происхождения. В современных обществах семья в процессе социальной мобильности перестает играть роль основного канала мобильности. Тем ни менее, влияние данного института на стратегии социальных перемещений индивидов прослеживается довольно четко и в этом контексте институт семьи уже начинает рассматриваться в рамках теории воспроизводства культурного капитала П. Бурдьё, так как в большинстве случаев, именно тот культурный капитал, который передается от родителей к детям, играет немаловажную роль в их дальнейшем самоопределении и позиционировании себя в обществе, если индивиды воспринимают капитал как установки, нормы, традиции и социальные связи, характерные для данной семьи. «Иными словами, в рыночной экономике и в условиях социального неравенства культурный капитал может быть превращен в доход и статус, которые и должны стать его объективными измерителями» [10, с. 73]. Кроме того, в определенных случаях институт семьи может стать единственной возможностью изменения социального статуса индивида в положительную сторону. В большей степени это касается детей и

подростков, лишенных воспитания в родительской семье (то есть, детей-сирот и детей, чьи родители лишены родительских прав). Как правило, дети и подростки, лишенные родительского воспитания, а так же растущие в неблагополучных семьях, имеют разные «стартовые» позиции и возможности по сравнению с детьми из семей с достаточным уровнем благополучия, поэтому представители таких незащищенных групп населения находят в приемной или патронажной семье порой единственную возможность для приобретения более благоприятного и социально одобряемого статуса в обществе [3].

Другой канал социальной мобильности – политические организации – не теряет своей актуальность в современных условиях и при определенных условиях может стать эффективным «трамплином» для индивидов в процессе их социальных перемещений. Основным компонентом социального статуса приобретаемого благодаря продвижению в политической системе, безусловно, является власть. Политические партии существуют и действуют только во имя борьбы за власть и отстаивание своих приоритетов. Французский социолог и политолог М. Дюверже, изучая генезис и структуру политических партий, в своей известной работе «Политические партии» показывает, как меняются способы борьбы за власть в зависимости от типа партии. Анализируя исторические примеры, приводимые М. Дюверже при описании устройства партии и системы легитимации ее лидеров, можно прийти к выводу о том, что партия всегда являлась универсальным каналом для осуществления восходящей социальной мобильности для наиболее способных и предприимчивых индивидов. В связи с этим, М. Дюверже отмечает, что в определенную историческую эпоху индивиды выбирают не только идеал политической структуры, но и предпочтительный способ передачи власти внутри социальных групп, в результате чего одни индивиды становятся легитимными лидерами, а другие отвергаются [6]. П.А. Сорокин уделял политическим организациям, как каналу вертикальной циркуляции, также большое значение. Индивид, попавший в политическую организацию, по его мнению, имеет

шанс подняться вверх по карьерной лестнице, если не благодаря собственным заслугам, то благодаря автоматическому продвижению по службе с течением времени.

Профессионально-квалификационная структура напрямую связана с осуществлением индивидом социальной мобильности, поскольку сфера профессиональной деятельности является одной из основных для любого индивида, престиж и значимость профессии во многом определяет его социальное положение. Не всегда мобильность в данной сфере может быть восходящей, поскольку при потере работником или служащим необходимого уровня квалификации, может последовать его понижение в должности или увольнение с места работы. Реализация в профессиональной сфере сопровождается человека всю активную часть его жизни, поэтому, то насколько высоко он смог подняться по лестнице должностных позиций в своей организации, в конечном итоге является показателем уровня и направления его социальной мобильности. Повышая уровень своих профессиональных знаний и навыков, приобретая новые социальные связи, человек может способствовать своему продвижению вверх в должностной структуре, поэтому профессиональную мобильность можно еще рассматривать и в ракурсе готовности и способности личности приобретать знания и умения, обеспечивающие эффективность в выбранной им профессиональной сфере.

Средства массовой информации, выделенные С.А. Просольченко в качестве инструмента управления социальной мобильностью, характеризуются автором следующим образом: «Институт средств массовой информации как инструмент управления социальной мобильностью мы назовем формирующимся: его нельзя с уверенностью назвать ни основным, ни вспомогательным, ни базовым. Активно развиваясь в течение XX и начала XXI в., он порождает множество собственных практик и модифицирует уже существующие» [14, с. 250]. Институт средств массовой информации, в данном контексте, следует рассматривать в большей степени как институт контроля над процессами социальной циркуляции в обществе. Имея рычаги воздействия на массовое сознание, СМИ может плавно кор-

ректировать восприятие людей в области тех или иных поведенческих установок.

Вооруженные силы или институт армии, в понимании П.А. Сорокина, приобретают особенно важную роль в военное время. Однако, индивид попадающий в ряды вооруженных сил приобретает возможность продвигаться вверх по социальной лестнице и в мирное время, в том числе благодаря своим собственным заслугам и способностям. Как правило, продвижение вверх по социальной лестнице осуществляется в режиме замещения одних должностей другими, с последующим присвоением военнослужащему очередного звания. При появлении вакантной должности в служебной структуре, она занимает нижестоящим, рекомендованным на замещение этой должности военнослужащим. Военная среда отличается жесткой и формализованной структурой и в совокупности с тотальными государственными организациями является уже не только каналом социальной мобильности для людей, но и механизмом осуществления принудительного контроля над практиками их социального перемещения.

Образование, как канал социальной мобильности, имеет огромное значение для любого человека. П.А. Сорокин, подчеркивая значимость и возможности образования, как канала вертикальной циркуляции, отмечал: «Не окончив университета или колледжа, фактически нельзя (а в некоторых европейских странах запрещено даже юридически) достичь какого-либо заметного положения среди высоких правительственных рангов и во многих других областях. И наоборот: выпускник с отличным университетским дипломом легко продвигается и занимает ответственные правительственные посты вне зависимости от его происхождения и его семьи» [17, с. 396]. Другими словами, от уровня образования индивида во многом зависит его статусное положение. В процессах социальной мобильности всегда наблюдается некоторая непропорциональность, поскольку индивиды, как правило, стремятся к более высокому положению и опасаются снижения своего социального статуса. Без соответствующего уровня образования в современном обществе весьма затруднительно, а порой невозможно продвижение в любой сфе-

ре (и, в первую очередь, в профессиональной). Низкий образовательный уровень индивида ограничивает возможности его социальных перемещений до соответствующих границ. В тоже время наличие образования как такового еще не гарантирует индивиду успешное осуществление практик социальных перемещений, поэтому в процессе обучения необходимо обращать внимание на формирование не только профессиональных, но и личностных качеств, позволяющих предпринимать решительные шаги в сложных трудовых и жизненных ситуациях. Другими словами, «диапазон многообразия личностного содержания» должен задаться «не только свободным индивидуальным выбором, но и природой общества, степенью его функциональной дифференциации, многообразия целей и ценностей развития» [18, с. 61]. В противном случае, как отмечает С.Б. Токарева, «люди, ... которые не мыслят свою жизнь в терминах «проектности» и «конструктивности», оказываются оттесненными на периферию современного общества...» [19, с. 117]. Образование же помогает людям мыслить именно проектно и конструктивно и в условиях научно-технического прогресса избежать девальвации интеллектуального капитала.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить: проблемам социального перемещения в обществе (учитывая значимость этого феномена в формировании социальной структуры и «выстраивании» жизненного пути индивидов) в научной литературе уделялось и уделяется пристальное внимание. Однако, учитывая тот факт, что социальная мобильность и профессиональная мобильность, как ее разновидности, являются сложными процессами и приобретают специфические черты в условиях изменяющегося общества, изучение этих феноменов и в дальнейшем требует комплексного и всестороннего подхода. При этом особым образом следует подчеркнуть, что хотя перемещение индивида в социальном пространстве, а так же получение и /или изменение им своего социального статуса может происходить под влиянием различных факторов и использования разных каналов мобильности, образование в их ряду занимает одно из первостепенных мест. И в этой связи актуализируется задача

предоставления качественного образования и формирование у учащихся профессиональных и лидерских качеств, которые и создают базу его обладателю для осуществления высокой социальной мобильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян, Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР / Ю. В. Арутюнян. – М. : Мысль, 1971. – 376 с.
2. Буланова, М. А. Теоретико-методологические аспекты исследования социальной мобильности / М. А. Буланова // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 4. – С. 136–142.
3. Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Западная экономическая социология. – М. : РОССПЭН, 2004. – 680 с.
4. Гидденс, Э. Стратификация и классовая структура / Э. Гидденс // Социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 112–123.
5. Голдторп, Дж. Межпоколенческая классовая мобильность в современной Великобритании: политические аспекты и результаты исследований / Дж. Голдторп, М. Джексон // Зарубежные исследования. – 2009. – № 10. – С. 181–200.
6. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. – М. : Академический Проект, 2000 – 538 с.
7. Заславская, Т. И. Об изменении критериев социальной стратификации российского общества / Т. И. Заславская. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://lomonosov.econ.msu.ru/2007/17/posyhova_ou.doc.pdf (дата обращения: 18.09.2014). – Загл.с экрана.
8. Ковалева, А. И. Профессиональная мобильность / А. И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1. – С. 298–300.
9. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 с.
10. Николаев, В. Г. Человек маргинальный / В. Г. Николаев // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 354–372.
11. Очкина, А. В. Культурный капитал семьи как фактор социального поведения и социальной мобильности. / А. В. Очкина // Мир России. – 2010. – № 1. – С. 67–88.
12. Парк, Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек / Р. Э. Парк // Социальные и гуманитарные науки. – 1998. – Серия 10. – Вып. 2. – С. 172–175.
13. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

14. Посухова, О. Ю. Неинституционализованные каналы профессиональной мобильности в российском обществе / О. Ю. Посухова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://lomonosov.econ.msu.ru/2007/17/posyhova_ou.doc.pdf (дата обращения: 07.09.2014). – Загл. с экрана.

15. Просольченко, С. А. Социальная мобильность, ее каналы и механизмы. Социальные институты как инструменты управления социальной мобильностью / С. А. Просольченко // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск: ПГТУ, 2010. – № 7. – С. 242–252.

16. Реутова, М. Н. Межпоколенная мобильность молодежи: профессиональный и образовательный аспекты / М. Н. Реутова // Социальная политика и социология. – 2004. – № 3. – С. 54–67.

17. Смирнова, Н. В. Социальное неравенство: теоретические аспекты проблемы / Н. В. Смирнова // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 37–44.

18. Сорокин, П. А. Социальная и культурная мобильность / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

19. Стризов, А. Л. Адаптация человека к процессам модернизации и переход к демократии / А. Л. Стризов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные отношения. – 2012. – № 3 (18) – С. 60–67.

20. Токарева, С. Б. Методология социального конструирования и социальный конструктивизм как методология / С. Б. Токарева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные отношения. – 2011. – № 2 (114) – С. 113–118.

21. Черныш, М. Ф. Социальная мобильность и массовое сознание / М. Ф. Черныш // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 134–138.

22. Шубкин, В. Н. Социология и общество: научное познание и этика науки / В. Н. Шубкин. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 424 с.

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu.V. *Sotsialnaya struktura selskogo naseleniya SSSR* [The Social Structure of the USSR Rural Population]. Moscow, Mysl Publ., 1971. 376 p.

2. Bulanova M.A. *Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya sotsialnoy mobilnosti* [Theoretical and Methodological Aspects of Studying Social Mobility]. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2010, no. 4, pp.136-142.

3. Bourdieu P. *Formy kapitala* [The Forms of Capital]. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya*

[Western Economic Sociology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 680 p.

4. Giddens E. *Stratifikatsiya i klassovaya struktura* [Stratification and Class Structure]. *Sotsiologicheskoe issledovaniya*, 1992, no. 9, pp.112-123.

5. Goldtorp Dzh., Jackson M. *Mezhpokolencheskaya klassovaya mobilnost v sovremennoy Velikobritanii: politicheskie aspekty i rezulytaty issledovaniy* [Intergenerational Class Mobility in Contemporary Britain: Political Aspects and Research Results]. *Zarubezhnye issledovaniya*, 2009, no. 10, pp. 181-200.

6. Duverzhe M. *Politicheskie partii* [Political Parties]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 538 p.

7. Zaslavskaya T.I. *Ob izmenenii kriteriev sotsialnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva* [On Changing Criteria of Social Stratification of the Russian Society]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/066/645/1219/032.ZASLAVSKAIA> (accessed September 18, 2014).

8. Kovaleva A.I. *Professionalnaya mobilnost* [Professionalnaya Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST Publ., Khranitel Publ., 2006. 873 p.

9. Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST Publ., Khranitel Publ., 2006. 873 p.

10. Nikolaev V.G. *Chelovek marginalnyy* [The Marginal Man]. *Voprosy sotsialnoy teorii*, 2010, no. 4, pp. 354-372.

11. Ochkina A.V. *Kulturnyy kapital semyi kak faktor sotsialnogo povedeniya i sotsialnoy mobilnosti* [Cultural Capital of the Family as a Factor of Social Behavior and Social Mobility]. *Mir Rossii*, 2010, no. 1, pp. 67-88.

12. Park R.E. *Kulturnyy konflikt i marginalnyy chelovek* [Cultural Conflict and Marginal Person]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Seriya 10*, 1998, vol. 2, pp. 172-175.

13. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Moscow, Feniks Publ., Mezhdunarodnyy fond "Kulturnaya initsiativa" Publ., 1992. 448 p.

14. Posukhova O.Yu. *Neinstitutsionalizirovannye kanaly professionalnoy mobilnosti v rossiyskom obshchestve* [Non-Institutionalized Channels of Professional Mobility in the Russian Society]. Available at: http://lomonosov.econ.msu.ru/2007/17/posyhova_ou.doc.pdf (accessed September 7, 2014).

15. Prosolchenko S.A. *Sotsialnaya mobilnost, ee kanaly i mekhanizmy. Sotsialnye instituty kak instrumenty upravleniya sotsialnoy mobilnostyu* [Social mobility, Its Channels and Mechanisms. Social Institutions as Instruments of Social Mobility].

Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy [Scientific Problems of Humanitarian Studies]. Pyatigorsk, PGU, 2010, no. 7, pp. 242-252.

16. Reutova M.N. Mezhpokolennaya mobilnost molodezhi: professionalnyy i obrazovatelnyy aspekty [Intergenerational Mobility of Youth: Professional and Educational Aspects]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, 2004, no. 3, pp. 54-67.

17. Smirnova N.V. Sotsialnoe neravenstvo: teoreticheskie aspekty problemy [Social Inequality: Theoretical Aspects of the Problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2009, no. 2, pp. 37-44.

18. Sorokin P.A. Sotsialnaya i kulturnaya mobilnost [Social and Cultural Mobility]. Sogomonov A.Yu., ed. *Chelovek. Civilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.

19. Strizoe A.L. Adaptatsiya cheloveka k protsessam modernizatsii i perekhod k demokratii [The Human Adaptation to the Processes of Modernization and the Transition to Democracy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Relations], 2012, no. 3(18), pp. 60-67.

20. Tokareva S.B. Metodologiya sotsialnogo konstruirovaniya i sotsialnoy konstruktivizm kak metodologiya [Methodology of Social Construction and Social Constructivism as a Methodology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Relations], 2011, no. 2 (114), pp. 113-118.

21. Chernysh M.F. Sotsialnaya mobilnost i massovoe soznanie [Social Mobility and Mass Consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995, no. 1, pp. 134-138.

22. Shubkin V.N. *Sotsiologiya i obshchestvo: Nauchnoe poznanie i etika nauki* [Sociology and Society: Scientific knowledge and the Ethics of Science]. Moscow, TsSPiM Publ., 2010. 424 p.

SOCIAL MOBILITY IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE OF SOCIAL SCIENCES

Nikolenko Nataliya Aleksandrovna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology,
Volgograd State University
nikolenko-kus@mail.ru

Prisp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents the analysis of scientific works of Russian and foreign authors devoted to the study of social mobility. The author demonstrates the various aspects of this social phenomenon allocated by scientists as research objects from the end of 19th century. The attention is drawn to the features of the three periods in the study of social shifts. The emphasis is made on the study of professional mobility. The author summarizes the results of scientific research which let presenting social and professional mobility in the form of complex social processes. The special attention is paid to the clarification of the contents of scientific definitions used to describe social shifts of individuals as well as to the determinants influencing the social movement of individuals in the professional sphere. Among the channels of social mobility, the education is highlighted as one of the most important ones.

Key words: social mobility, professional mobility, vertical mobility, horizontal mobility, intra-generational mobility, inter-generational mobility, institutionalized channels of social mobility, non-institutionalized channels of social mobility.